

ЯДГАР

Знойный летний день.

На мне легкий бязевый халат с жестким воротом, чувствская тюбетейка, шелковый расшитый поясной платок. На ногах — хромовые сапоги с небольшим каблучком.

Я иду вдоль бесконечных дувалов. Скучная, пыльная улица меж садами безмолвна. Прямые короткие тепи под деревьями неподвижно застыли. С ветвей из-за оград свешиваются персики, сливы. Журчит вода в арыках.

Мне еще далеко идти. Я пробую петь, но слова песни глоснут в раскаленном воздухе, теряя силу и звучность.

На другом конце улицы показалась женская фигура под паранджой. Женщина идет мне навстречу с открытым лицом, держа чачван в руке, обмахиваясь им играючи, словно веером. Она не смущается тем, что к ней приближается мужчина. Встреча с женщиной наедине настраивает меня на легкомысленный лад. Мне хочется заговорить с ней, чтобы рассеять скуку.

Женщина все ближе и ближе. Между нами не осталось уже и десятка шагов. Я не сводил с нее глаз. Вот на ее губах скользнула улыбка, обаяние которой я помню до сих пор. Под напускной строгостью она старается скрыть усмешку. Но теперь в черных глазах вспыхивают искорки смеха. От жары ее щеки покраснелись, точно гранаты, на лбу выступили жемчужинки пота.

Мы подошли совсем близко друг к другу. Еще секунда, и мы разминемся.

Нет, вышло иначе. Она остановилась, оглядела меня с ног до головы.

— Пойдите, мулла-ака!

Голос ее звенел. Так звенят, чуть столкнувшись, фарфоровые пиалы.

— Чем могу служить, душенька? — Я почувствовал в теле трепет робости, совсем уж неподобающий джигиту.

— Приходилось ли вам бескорыстно служить другим?

— Молодцу нечего жалеть никаких усилий. Если смогу быть полезным, я — к вашим услугам.

— Тогда вон тенистое местечко. Сядем. И я все расскажу.

Мы свернули к маленькой мечети. Все дни недели, кроме пятниц, эта мечеть пустовала, как покинутый хозяевами двор.

Мы прошли в одностворчатую калитку. Невольно у меня шевельнулась нескромная мысль: «Такая красивая девушка наедине с чужим юношей в пустой, как сердце отшельника, мечети!..»

Девушка расположилась на краю небольшой террасы. Я присел на корточки против нее.

Рукава ее платья были засучены по локоть, обнажая мраморную белизну рук. Маленьким шелковым платочком девушка стерла с кончика носа чистые, как росинки, капельки пота. От платочка шел крепкий аромат гвоздики.

Вероятно, впервые с той поры, как была построена мечеть, в ней повеяло нежностью и душевностью.

Девушка наморщила брови и еще раз окинула меня испытующим взглядом.

Потом шутя заметила:

— Не смотрите на меня так, а то сглазите.

Я быстро перевел взгляд на журчащий арык.

— Вы женаты? — задала вопрос девушка.

— Нет.

— Очень хорошо... А на мне не женитесь?

Я растерялся: какое неожиданное предложение.

— И вы мне хотели сказать... это? Всю жизнь готов быть вашим слугой.

Девушка расхохоталась. Смех ее озорным эхом отозвался в глухих стенах мечети.

— Да вы и правда, видно, привыкли бескорыстно служить другим?

— Прикажете, и я волоском свяжу слона, ногтями скovyрну гору!

— Ну, в таком случае... — произнесла девушка и опять задумалась. — Ладно, расскажу все. Слушайте внимательно! Мои родители — люди старого времени. По их мнению, любовь не стоит и пустого ореха. Они выдали меня замуж против моей воли. Мой муж — без определенных занятий, живет спекуляцией. Больше года я связана с нелюбимым человеком. За горькими ночами встречаю тоскливые дни. А ему — хоть бы что! Ни минуты не жила бы я с ним! Хочу бежать, но вы хорошо знаете, что в

семье старого уклада уйти от мужа — позор. Да и муж не отпустит меня. Иногда он приходит пьяным и тогда сильно бьет меня. — Она всхлипнула. — Я прошу развода. Но он кричит: «До седых волос ты у меня будешь на привязи». Я еще молода. Мне бы веселиться, смеяться со своими сверстницами. С неделю назад у нас разыгрался очередной скандал из-за невыглаженных брюк. Как он чистил могилу моего отца и дедов! Нещадно избил меня! Терпенью моему пришел конец. И я... решила уйти... совсем из дома.

На глазах молоденькой женщины выступили слезы.

«Ой-ой! Вдруг она мне скажет: «Увезите меня!» Куда я с ней денусь?» — пришло мне в голову.

— Чего же вы хотите от меня?

Женщина вытерла слезинки, повисшие на ресницах. Голос ее дрогнул:

— Несколько дней я выжидала удобную минуту и вот, наконец, утащила у мужа паспорт. Вот он, возьмите. И... и... будьте на один час... моим мужем.

— А! Что я должен сделать?

На лице молодой женщины заиграла легкая плутовская улыбка.

— Мы поедem в загс... вместе... и... разведемся.

Невозможно представить мое разочарование.

— Но... разве это возможно?

Молодая женщина явно решила победить мои сомнения и колебания своим обаянием. С надменной, обольстительной усмешкой она пристально смотрела на меня. В ее глазах читалось: «И все же я смогу тебя победить!»

— Смелости не хватает, джигит? Тюбетейка и поясной платок, оказывается, на вас только для красы?

— Смелости-то хватит. Только как же? Я еще не женился, и сразу вдруг... разводиться. Это все равно, что вбить колышек для теленка, который еще не родился.

Молодая женщина расхохоталась. Ворковавшие на кровельном желобе две горлилки испуганно вспорхнули и улетели.

— А у нас будет наоборот. Сначала вобьем колышек, а потом добудем теленка. Сначала разведемся, а уж потом и поженемся.

— Н-не... не знаю...

Женщина сразу же приняла холодный, неприязненный вид. Она рассердилась. В голосе вместо прежней ласковости зазвучало горькое сожаление:

— Зря вы родились мужчиной. И у кого я просила

услуги? Ну, хватит! Зачем только я выдала свою тайну?.. Но, так и быть. Давайте поменяемся: пате вам паранджу, а вы давайте мне ваш халат.

Ее слова меня сразили. Я понял, что отказываться помочь молодой женщине недостойно мужчины, и покорно пробормотал:

— Хорошо, говорите, что я должен делать?

Ее глаза заблестели от сознания победы.

— Вы, оказывается, не такой уж рохля. Только вот боюсь, осрамите меня в загсе! Прежде всего спрячьте в карман паспорт. В загс пойдем вместе. В дверях будем друг на друга кричать. Когда нас спросят, вы скажете: «Развожусь с проклятой». А я скажу: «Ухожу от проклятого». Если захотят нас помирить и будут уговаривать, — стойте на своем. Я буду вас бранить, клясть, вы не обижайтесь, можете раз-другой мне дать сдачи, ругнуть как следует... Словом, поможете мне — получу я на руки справку о разводе — и все. Придет ваш черед. Я готова... на всякую услугу для вас...

Не зменным ли коварством заворожила она меня, вскружила голову? И мы пошли в загс. Спустя полчаса мы отчаянно бранились в тесной комнатке «Отдела регистрации», невероятно оскорбляя друг друга. Мы подняли страшный шум. Она меня называла спекулянтom, а я ее — негодницей и распутницей.

Нас останавливали, уговаривали, пробовали мирить, но я не соглашался, а молодая женщина по-прежнему осыпала меня грубой бранью. Потеряв терпение, сотрудники загса решили поскорее закончить все формальности, лишь бы избавиться от подобных скандалистов. Нас даже не расспрашивали ни о чем.

Взяли у меня паспорт и начали заполнять бракоразводные бланки. Вот уже и марки наклеили и копии сняли, одну дали мне, другую ей.

Уплачивая деньги, я во всеуслышание вздохнул:

— Слава аллаху. Избавился я от невыносимой жизни. Больше никогда не женюсь...

Молодая женщина спокойно взяла справку.

— Ух! Наконец-то! Я свободна! — вырвалось у нее. — Лучше могила, чем такой муж!

Все поглядывали на нас с презрительным сожалением. Отвернувшись друг от друга, мы направились к выходу.

На улице молодая женщина подошла ко мне.

— Спасибо! Вы оказались куда хитрее, чем я думала. Но мы не все сделали, осталась еще самая малость. Если

не трудно, подождите меня минут десять. Я сейчас приду. Сложное дело нужно сделать понадежней. Да, в самом деле, дайте-ка мне паспорт и справку. Все равно они вам не пужны.

— Берите, но поскорее возвращайтесь.

Женщина уехала на трамвае. Я ждал ее. Действительно, она вернулась, и даже скорее, чем обещала. Паранджа у нее оттопыривалась, словно она держала под ней узел.

— Пошли в загс, закончим все,— сказала она.

И вот мы опять у бракоразводного стола. Женщина извлекла из-под паранджи свою ношу. У меня глаза чуть не выскочили, когда я увидел спеленутого ребенка с соской во рту.

С недоуменном я посмотрел на мою «разведенную жену». Обратившись к регистратору, она с мрачным видом возбужденно закричала:

— Вот! Раз он развелся, пускай забирает ребенка! Не стану я губить свою молодость, маяться с младенцем; нужно ему, так сам пускай ухаживает. Такое собачье отродье не стоит и малой жертвы.

Решительно она сунула мне в руки малютку и, резко повернувшись, исчезла за дверью.

Стоя с ребенком на руках, я растерянно озирался. Что делать? Сказать, что она мне не жена и что я даже не знаю, мальчик или девочка у меня в руках,— мне самому придется плохо: привлекут к уголовной ответственности. Я чувствовал себя совершенно беспомощным и, почти плача, бормотал:

— Как же мне быть? Куда я его отнесу?— Но тут сам испугался своих слов. На меня все смотрели с нескрываемым отвращением. Одна из сотрудниц колко заметила:

— Испортит жизнь молодой женщине, ну и терпи, дурачина. Твой грех...

А другая успокаивала:

— Не расстраивайтесь. По закону грудные дети должны оставаться у матери. Пусть ваша жена чуточку остынет! Все равно материнская любовь скажется. Сама забрет от вас ребенка.

Совершенно подавленный, я поплелся из загса, чувствуя, что у меня подгибаются ноги.

Беспомощный, с ребенком на руках, я бродил из конца в конец по многолюдной улице. Изредка я поглядывал на малыша и поправлял пеленку, чтоб она не закрывала ему лица и не мешала свободно дышать. Соска выпала изо рта малютки. Слышалось его легкое дыхание, ипогда он за-

бавно чмокал во сне. Вот он раскрыл свои глазки, похожие на черные бусинки. Зрачки беспокойно забегали, беленькое нежное личико начало кривиться, морщиться в гримасу. Ребенок заплакал. Наверно, он проголодался.

Что делать? Не посить же голодного малютку по улице, пока он вырастет и найдет своих родителей! Плач ребенка вернул мне самообладание.

Ведь ребенок-то не виноват!

Прижимая к груди младенца, я решительно сел в трамвай и поехал домой.

Ребенок вел себя крайне беспокойно. Он отчаянно кричал.

Один из пассажиров заметил:

— Дайте ребенка матери, братец, пускай чуточку покормит.

— Здесь нет его матери,— ответил я.

Вмешался другой:

— Как это неразумно — оставлять мать дома и разъезжать по улицам с грудным ребенком.

— Мать больна. Я ездил взвешивать ребенка,— солгал я.

Редко где бывают такие рассудительные люди, как в трамвае. Одни сочли меня глупцом, другие видели, что мне трудно возиться с младенцем, и жалели меня. Мой сосед в раздражении встал с места и ушел. Между двумя пассажирами разгорелся спор. Один говорил: «Ребенку полезно плакать, глаза будут черными», а другой возражал: «Нет, плакать вредно, если много плакать — на глазу будет бельмо». Когда дело уже дошло до перебранки, пришлось сойти с трамвая...

Наконец я добрался до дома и робко вошел во двор. На веревке, протянутой между кухней и террасой, сохло белье. Старушка-мать, присев на корточки, стирала что-то в тазу. Увидев в калитке меня с ребенком на руках, она подумала, что я привел какую-нибудь из своих взрослых сестер.

— А, опять привел гостью? — добродушно заворчала она. — Кто же идет? Саври? Рахбар? Или детишек брата ведешь? Вот уж божье наказание! Любишь ты гостей! Можно было бы поменьше носиться с ними. Опять я не кончу стирки...

Ребенок у меня на руках снова расплакался. Мать, продолжая стирать, попыталась утешить маленького:

— Ну, миленький! Ну, малюсенький! Ну, мой внучо-

почек! Не плачь, не плачь! Вот сейчас твоя бабушка вытрет руки, хорошенький мой, возьмет тебя.

Старушка стряхнула с рук мыльную пену, поднялась и взяла у меня младенца. Я растерянно молчал.

— Что это ты, сынок, туча тучей?— принялась допрашивать мать.

Я не отвечал.

Матушка вырастила на своем веку целый десяток детей. Иногда она говорила:

— Да, сынок, у иных сила в костях, а у иных в мясе; слава богу, у меня сила в костях. Если бы она была в мясе — разве я вырастила бы вас всех?

До сих пор я ничего не понимал в ее простых словах. А теперь...

О мать, отдавшая мне свою молодость! О мать, не смыкавшая ради меня глаз целые ночи напролет! О мать, перенесшая столько страданий в ночи прошлого и дождавшаяся наконец светлого дня! Кто в мире умеет любить больше матери? До сих пор я не сумел сочинить стихи, которые сравнились бы с твоими песнями над моей колыбелью!

Моей матушке тогда было 62 года. Ее жизнь цеплялась за сучки в чаще темных лет прошлого. Ее глаза всю жизнь тревожно всматривались в глаза ее детей; и острота зрения ее притупилась. Она не признала ребенка, но думала, что держит в руках одного из своих внучат.

— Матушка,— сказал я,— угомоните крикуна. Его мать долго не придет.

Старушка принялась меня корить:

— Не сидится тебе спокойно, сынок! Зачем ты взял младенца у матери и притащил сюда? Что я ему дам? И сестрица твоя хороша — не дорожит своим ребенком. Ей и заботы нет: «Будешь, мол, здоров, созреешь, от жара остыть сумеешь!» Эх, отгуляет время молодости, может, научится любить детей.

А ребенок не переставал кричать. Старуха забыла и меня, и стирку. Укачивая ребенка на руках, она старалась его утешить. Но голодного малютку ласками не успокоить.

Мать передала мне ребенка, а сама открыла сундучок, вынула две-три миндалины и истолкла в ступе. Потом смочила кипяченой водой, завернула в кисейную тряпочку и дала младенцу сосать.

Как раз тогда и у моего брата, и у младшей сестры были новорожденные. Старуха не знала, который из этих

двух у нее на руках. Ребенок успокоился, но немного погодя опять заплакал. Прошло часа два, и мать вновь стала меня бранить.

— Что ты за человек? Зачем ты лишил ребенка матери и шатаешься с ним?

— Мама, сказать правду? — пролепетал я. — У него... у него нет матери. Сколько ни ждите — не придет. Это... мой ребенок.

— А? — переполошилась старуха. — Ребенок? Твой? Что ты говоришь, дурной? Откуда у тебя ребенок?

— Раз я сказал, что мой, значит, мой. К чему столько вопросов? Возьмите его и воспитывайте.

— Опомнись! Что ты говоришь? В мои годы — из меня посмешище строишь, сынок? Чей ребенок, я спрашиваю?

— Я же сказал — мой — и конечно, — заупрямился я. — Мой ребенок. Вы его будете воспитывать. Растили же меня и моих братьев. Так и его вырастите. Больше ничего!

Сначала матушка не поверила. Потом, увидев, что я стою на своем, запричитала:

— Да и что же я теперь буду делать? Пригнул ты мою честь к самой земле! Я-то тебя всем расхваливала. И люди-то с моих слов уважали тебя. Заслала сваху к твоей тетке. Сговор состоялся. А ты с какой-то первой встречной шашни завел, да еще принес в наш дом приبلудного ребенка. Какой стыд! Ведь меня знают и в махалле, и на гузаре. Как мне смотреть людям в лицо? Я так ждала, что в старости жена моего второго сыночка будет меня поконить, будет мне помощницей. Пусть тебя накажет дух покойного отца! О, бог мой!

— Не лейте попусту слез, мама! Я и хотел вас порадовать. Да мать ребенка умерла после родов. Она... она была бы вам хорошей невесткой.

— Да скажи же, наконец, кого ты взял? Из хорошей семьи? Мать умерла, говоришь? Сейчас пойду. Надо навестить родных... Где они живут?

Ребенок заплакал. Старушке уже некогда было со мной препираться — внучонок был голоден. Она вытерла концом своего платка слезы, бросилась к младенцу и распеленала его:

— Мой миленький, да ты мокрешенек!

Я искоса взглянул на голенького малютку. Это был пухлый беленький мальчик. И вдруг у меня в сердце началась борьба между досадой и теплотой, между жаждой мести и нежностью.

Будьте свидетелями, товарищи, это дитя будет моим сыном!

Первые дни моя мать не испытывала нежности к малышу и с большим недоверием кормила его молоком, которое приносили дети из Дома ребенка. Но с каждым днем ее привязанность к «внучонку» росла. И вскоре я уже услышал, что она кричит сестренке:

— Кумри! Да возьми же братца! Бедняжка надорвался от крика. Поноси его, покуда я испеку лепешки. Я сейчас приду сама.

А младшего моего брата уговаривала:

— Вставай, Абдугани! Вставай, мой хороший мальчик! Сбегай пораньше! Принеси молока для маленького, а то будет жарко, и молоко скиснет, пока донесешь. Я уже мог быть спокоен за малыша.

Говорят: «В доме, где дети,— пет скуки и сплетен». Мой «сын» стал забавой для всей семьи. Младшие братья и сестры не спускали его с рук и с увлечением играли с ним. Вернувшись с работы, я брал мальчика на руки.

— Ну, посмейся, маленький. Как ты смеешься?— говорил я ему.

Итак, дома все сошло хорошо. Но со стороны я слышал вечные упреки и порицания. Тетка, та решительно отказалась выдать дочь за меня замуж.

— Пусть аллах уберет его, такого шалопаю. Путался ваш Джура кто его знает с кем. Притащил в дом незаконнорожденного. Такому разнузданному я дочери не отдам. Моя дочка, что свежий бутон, что ясный месяц...

Все знакомые смеялись надо мной.

— Ну, как, Джура? Вырос сыночек?— спрашивали они при встрече.

Я смотрел на них вызывающе и отвечал:

— Слава богу.

Старший брат заявил:

— Конечно! Ко мне чтоб Джура не ходил. Такого брата мне не надо.

А старшая сестра совсем расходилась:

— К чему, мама, вам обуза на старости лет? Пусть Джура заберет ребенка и растит где хочет. Провались он! Недаром говорят: «Вскормишь сироту ягненка — сала поешь, воспитаешь сироту мальчишку — горя нахлебешься». Вон каким здоровым вы выкормили брата, а никто не видел, чтобы он принес вам хоть щепотку наса.

Словом, имя мое заслужило дурную славу.

Мне исполнилось двадцать два года, и меня призвали

на военную службу. Махаллинская комиссия вручила мне повестку от военкомата. Я был очень доволен. Я был здоров, силен, и тело мое было как бы отлито из стали. Доктор написал, что я гожусь и в кавалерию, и в пехоту. Меня приняли. Я ног под собой не чувствовал от радости. Меня направили для прохождения службы в Ашхабад. Мать всплакнула. Все дни, оставшиеся до отъезда, меня в семье баловали. Мой приемный сын тоже вдруг попал в большой почет. Все в доме о нем заботились, берегли его, не давали ветерку на него подуть.

До сих пор еще у малыша не было имени. Теперь старушка стала называть его Ядгаром.

— Мама, что это за Ядгар? Память? Такое допотопное имя! — поинтересовался я.

Старушка больше не могла сдержаться и заплакала.

— Ах, мой ненаглядный сынок! Ведь ты идешь в солдаты. Да сохранит тебя господь от дурного глаза. Да поддержит тебя покровитель храбрых мужей Али Шахимардон. Да падут беды на твоих врагов. Да не пронзит тебя пуля! Побеждай с твоими товарищами! Да не победят вас враги! А я уж так, на всякий случай, назвала твоего сына Ядгаром. Росточек, который остается от тебя. Хорошо, что этот мальчик появился на свет. Глядя на него, я буду видеть и чувствовать тебя.

И смешно было мне слушать слова старушки, но из уважения к ней и ради ребенка я не возражал.

Итак, я стал членом великой братской семьи, вступил в Красную Армию, шагнул с бьющимся сердцем в новый мир.

Неотесанным, бесшабашным парнем, в халате нараспашку я прибыл в Ашхабад. До призыва я умел лишь читать, писать да знал четыре действия арифметики.

Меня зачислили в часть. Выдали обмундирование. Первые дни трудно было свыкаться с военной формой. Я задыхался, все хотелось расстегнуть ворот, но дисциплина не позволяла. Еще труднее было в чистоте держать свое оружие, следить за опрятностью своей постели, но я старался. Командир это видел и часто говорил:

— Так и надо. Ты будешь хорошим бойцом.

Весь день шла напряженная, тяжелая военная учеба. А по вечерам, разбившись на группы, — в нашем полку служила молодежь разных национальностей: казахи, узбеки, татары, туркмены, таджики, — мы занимались общеобразовательными предметами. Я учился с охотой. Командиры оставались мною довольны.

По временам приходили письма от матери. Содержания их было обычное, будничное: «Мы по тебе соскучились. Ядгар уже говорит. Слово «дада» не сходит у него с языка. У меня так и сжимается сердце...»

И все в таком роде.

Я тоже посылал письма домой, обещал приехать в отпуск.

Военная служба шла мне на пользу. Я чувствовал себя окрепшим, сильным. Настроение было отличное. Кругом приятели и друзья. Я забыл, что такое скука.

За шесть месяцев я и русскому языку основательно подучился. Адрес на письмах уже сам писал по-русски. Послал в письме снимок — свою фотографию в военной форме. Вскоре пришел ответ от младшего братишки Абдугани. Писал он, что старуха не выпускает из рук моей карточки, показывает всем соседям и говорит: «Слава богу, мой дурашный сынок поумнел. Вон какой начальник». Радость старушки не умещалась у нее в груди.

А спустя еще полгода я получил весть, что Ядгар заболел. Меня охватило настоящее беспокойство. Я попросил отпуск на десять дней, попрощался с товарищами и отправился в Ташкент.

Мой приезд стал большим праздником для домашних. Забыв о ссоре, пришли и брат, и сестры. А «сын» мой, оказалось, уже выздоровел. Славный карапуз уже начал ходить неуверенными, забавно неловкими шагами. Он не сходил с моих колен, да и я его не спускал с рук. Даже выходя на улицу, я брал его с собой. Знакомые уже не смеялись надо мной. Даже строгая тетка явилась к нам. Перед уходом она выбрала минуту поговорить с матерью наедине.

— Не годится нарушать веление судьбы,— закинула она словечко насчет меня.— Мало ли что случается с молодым джигитом. Из вашего шалопая вышел молодец на загляденье. Не подумай, сестрица, что я какая-то злопаметная... Знаешь, за день столько свих к нам приходит, что калитка еле на петлях держится. Но, уж будь уверена, я всем отказываю. Всем говорю, что дочь еще молода, да и к тому же сговорена... «Еще в колыбели мы сговорили ее с Джурой. Он, ее жених, в Ашхабаде служит начальником в войсках», — похваляюсь я...

Матушка не могла сдержать торжествующей улыбки, когда передавала мне слова тетки.

Но я спокойно заметил:

— Девушка молода. Можно не спешить. Я не смогу сейчас жениться. Срок военной службы еще не кончился. А потом я еще года два хочу учиться.

— Ладно, ладно, миленький. Тетушка и не говорила, чтобы сейчас сладить свадьбу. Дочка ее еще совсем молода. Тетка только подлаживаться начала, сынок.

За дни, проведенные в Ташкенте, я уже соскучился по товарищам и, не дожидаясь конца отпуска, уехал в Ашхабад.

Во второй год службы мы занимались еще упорнее и серьезнее. Всеми силами я старался приобрести военные знания и пополнить свое образование. В середине года меня назначили командиром отделения.

В своих письмах моя матушка уже не горевала, а заботливо давала мне наставления: «Учись хорошенько, старательно; не болтайся, не шлейся, не забывай своего сиротку сына», — писала она.

«Конечно, — думал я, — мне не забыть ни Ядгара, ни связанных с ним событий. Не знаю, что нам с ним суждено. Хотя, если поглубже вдуматься, человек — хозяин своей судьбы. Сделаю все, чтобы будущее у Ядгара было светлое и счастливое. Старая мать может быть спокойна и за меня и за Ядгара».

Время шло очень быстро. По-прежнему по утрам мы выходили на учения. А вечерами я готовил уроки. Я сам себе не верил. Неужели это я? Неужели это тот самый пустой, неотесанный мальчик, который недавно еще думал, что радость жизни заключается в звонко кричащих перепелках, хромовых сапогах, бекасамовом халате и крепком виноградном вине домашнего приготовления? Да, мои вкусы, склонности, взгляды на жизнь разительно изменились. Я понял, что такое любовь к родине. И в тайниках души я хотел и твердо решил быть всегда хорошим сыном социалистического государства, которое меня воспитало. Хочу и буду.

Мне пошел двадцать пятый год. Мир одет цветущими лугами. В моих глазах он весь из цветов и бутонов. Все вокруг тонет в сиянии. Приложив руку щитком ко лбу, я всматриваюсь в зеленеющую бархатом даль великой родной земли. Радостные, счастливые кишлаки, колхозы зажигают в сердце мужественную любовь. Они ждут, чтобы я честно служил родной стране.

О моя вторая мать, Красная Армия, воспитавшая меня, научившая меня радостно, бодро смотреть на мир!

Быстро прошли мои юношеские годы. А два года в армии промелькнули, словно два поцелуя.

Подошло время демобилизации. Но я решил продолжать службу сверхсрочно.

Командир был расположен ко мне.

— Товарищ командир,— обратился я к нему.— Если можно, оставьте меня на военной службе сверхсрочником.

Он с улыбкой хлопнул меня по плечу и ласково сказал:

— Я думаю иначе. Я уже говорил с кем нужно. Если хочешь, мы пошлем тебя в Ленинград в Военно-медицинскую академию. Если ты и там будешь таким же прилежным, настойчивым, внимательным,— через четыре года из тебя выйдет отличный военный врач.

Я обрадовался и крепко пожал руку командиру.

Комиссия, проверив мои знания и состояние здоровья, нашла возможным удовлетворить мою просьбу. Я получил путевку в Ленинград. Радость моя была безгранична.

Трудно мне было расставаться с товарищами, с которыми я за два года очень сблизился. Я зашел в комсомольскую ячейку и взял свою учетную карточку. На вечере отпускников я тепло распрощался со своим командиром, который был и моим учителем и, вместе с тем, самым близким другом.

— Товарищ командир,— говорил я ему,— мы, ваши ученики, всегда будем защищать родину от всех врагов. Всегда будем часовыми, стоящими на защите ее процветания и чести. Если Красная Армия, воспитавшая и вырастившая меня, желает, чтобы я стал военным врачом, я выполню свое обещание.

В Ташкенте все мои друзья, товарищи и родственники встретили меня с радостью. Ядгар только что переболел корью,— мне о его болезни не писали, чтобы не беспокоить. Теперь он уже лепетал, изменяя по-своему слова и не выговаривая буквы «р».

— Скажи «патрон»,— говорил я ему.

— Патйон.

— Скажи «аэроплан».

— Айюпиян.

Мы от души смеялись. Мальчугана интересовал мой военный костюм. Он надевал мою фуражку со звездой — она смешно сползала ему на глаза — и бежал показаться бабушке.

Радостную весть об окончании моей военной службы матушка приняла по-своему. Ничего не сказав мне, старушка начала приготовления к свадьбе.

— Ничего, что молода,— говорила она.— Девочка уже вся налитая. Я помоложе была, когда меня выдали за-

муж. Она может получить брачное свидетельство, и довольно!

О своем отъезде в Ленинград я еще не говорил никому. И мне пришлось попросить сестру осторожно уговорить мать «не бить в бубен прежде свадьбы», а также сказать ей, что хотя я и отслужил в армии, но буду учиться еще три-четыре года, а уж когда кончу, тогда можно что-нибудь решать.

Занятия в академии должны были начаться с первого сентября. Мне казалось, что не годится терять даром два с половиной месяца. Я сходил на медицинский факультет университета, узнал, что требуется от вновь поступающих, достал учебники и принялся потихоньку готовиться.

По вечерам я гулял с Ядгаром. Ходил с ним в парк, бывал в цирке, катал его на карусели. Удивительно это были счастливые, безмятежные дни. Вначале Ядгар немного чуждался меня, но вскоре мы очень подружились, и он не отходил от меня ни на шаг. Бывало, не видит меня час, сразу поднимает крик: «Где мой папа?»

«Нехорошо, когда ребенок так привязан к отцу. Уеду в Ленинград, — думал я, — парень будет слишком скучать обо мне». Старушка тоже так думала, но только снисходительно покачивала головой.

Наконец приблизился день, которого я ожидал с волнением. Двадцатого августа мне непременно нужно быть в Ленинграде. Завтра я уезжаю. К нам домой пришли сестры и братья с детьми. И я поразился — наша семья ничуть не меньше населения махалли, и дом сделался похожим на пчелиный улей.

Мать, сестры суетились, варили, жарили мне на дороге бугурсаки, сдобные лепешки, слоенки. Ядгара все забавляли, ласкали, будто хотели этим завоевать мое сердце.

Поглаживая Ядгара по голове, старший брат обратился ко мне:

— Твой сын будет еще здоровее тебя. Смотри, какая у шельмеца грудь! А икры-то какие!

— Тьфу, тьфу, не сглазь! Разве так можно говорить? — остановила старушка. — Ведь малый ребенок нежнее цветка.

— Ну вылитый отец! В точности вы! — вмешалась невестка. — Волосок в волосок. И бывает же ребенок так похож на отца.

Я про себя только радовался.

Братья и друзья проводили меня на вокзал. Ядгар

устроился на руках у старшего брата. Все желали мне успеха, просили писать.

— Будешь в чем нуждаться, сейчас же пиши,— сказал на прощание старший брат.— Студенческая жизнь! Иной раз тебе придется трудновато. Я помогу. За мать не беспокойся.

Я смотрю из окна вагона. Ядгар рвется ко мне. И я беру его на руки. Уже пробил звонок. Я расцеловал мальчика в обе щеки и передал брату. Поезд медленно тронулся.

Сердце мое сжалось неизведанной болью, и невольные слезы набежали на глаза. Прощайте, прощайте.

* * *

Поезд идет быстрым ходом. Как-то я выдержу испытания? При одной этой мысли у меня начинает колотиться сердце. Я повторяю про себя пройденное, пробую сам проверить свои знания.

Мы проехали бесконечные степи, миновали окрестности Оренбурга. Вот земли Куйбышевского края. За окном стеной тянутся густые зеленые леса. В просеках вдруг мелькают трубы фабрик с тянущимися к нему султанами дыма. В первый раз в жизни я еду так далеко. Как велика наша страна! Все это — неотделимая часть нашей социалистической родины, а я один из ее сыновей. Гордость не вмещается в моей груди. Я мурлычу себе под нос мотивы песен, которым я научился в Красной Армии.

Вместе со мной едет студент Московской авиационной школы, казах. Он сел в вагон в Кызыл-Орде.

— Товарищ,— говорит он,— вы красноармеец, пехота... Вот если бы вы были летчиком, как я, вы еще лучше могли бы увидеть великие пространства нашей страны. От Тихого океана до Черного моря, от Северного полюса до Афганской границы — все, все — наша родина. Вы спросите, чего у нас нет? Все у нас есть! Если бы вы полетели на самолете, вы увидели бы с высоты наши прекрасные города, бархатные сады, густые зеленые леса, хлопковые поля — вот тогда вы знали бы, какова наша страна!

У казаха был очень открытый характер. Он много рассказывал о своей жизни, об ученых и о разных других вещах. Даже начал меня уговаривать не поступать в медицинскую академию, а идти в авиационную школу.

— Верно,— говорю я,— авиация интересное дело, но мне больше хочется быть врачом. И я от всей души перед

строем товарищей дал слово стать врачом. Послушай, друг, — я хлопнул собеседника по плечу, — мы с тобой еще молоды. К тридцати годам успеем кончить не один, а два факультета. Через четыре года я сделаюсь врачом. И потом разве трудно поучиться еще четыре-пять лет на другом факультете, ну, например, на авиаинженерном?

Три дня, которые мы провели в дороге, прошли очень весело. Теперь мы так близко познакомились, будто были старыми друзьями. Он дал мне свой адрес, я обещал написать ему по приезду и сообщить свой. В Москве мы расстались.

С приближением поезда к Ленинграду сердце мое трепетало, как вынутый из гнезда птенчик.

В академии меня встретили очень приветливо, дали комнату в общежитии. Я быстро познакомился с абитуриентами, прибывшими из разных республик нашей великой родины и так же, как я, готовившимися к экзаменам.

Вышло именно то, чего я боялся. По основным предметам я получил отметки «отлично» и «хорошо», но в русском языке выявилась моя слабая подготовка. Испытательная комиссия приняла во внимание мою национальность и зачислила меня на первый курс с условием в первый же год овладеть русским языком.

Я не могу вспомнить более радостного момента в своей жизни, чем первая лекция. Подумать только: тот самый пустой малыш, который всего два года тому назад шатался по садам, распевая беззаботно песни, слушает на медицинском факультете лекцию профессора!

Занятия с каждым днем становились для меня все интересней. Но и подготовки требовали немалой. Мне даже не хватало времени отвечать на письма из Ташкента. Приходилось напрягать все силы. Необходимо было терпенье, спокойствие и настойчивость.

В свободные минуты я занимаюсь русским языком. Мои товарищи по общежитию — люди разных национальностей, и мы друг другу помогаем. Как можно чаще я беседую с русскими студентами для практики. Я понимаю — если в этом году не усвою русского языка — дело будет плохо.

Мои усилия довольно скоро сказались: лекции я уже хорошо понимал, да и говорить стал свободнее, но в письмах все еще делал много ошибок.

Полугодовые зачеты сдал хорошо. Во время зимних каникул я ответил на несколько писем, которые до сих

пор лежали без ответа. Очень меня удивило письмо, полученное от двоюродной сестры Саадат. Что ее заставило мне написать?

Предположим, наши матери, когда мы еще были маленькие, сделали сговор, но ведь потом, когда я принес домой Ядгара, тетка возмутилась и решила не выдавать за меня свою дочь. Я это отлично помнил. Когда же мы встречались у нас с Саадат, мы и слова не сказали о совместной жизни или браке. Почему вдруг Саадат написала? В те дни, когда произошла история с Ядгаром, ей только что исполнилось тринадцать лет, и вряд ли она что-либо поняла. Но теперь ей уже шестнадцать. Можно сказать — она уже взрослая... Но письмо? Не может быть, чтобы она полюбила? Что до меня, я к ней относился равнодушно, спокойно. Я даже никогда не задавал себе вопрос, люблю ли я ее.

Письмо Саадат было очень короткое:

«Здравствуйте, Джура-ака!

Желаю вам успехов в учебе. Интересно узнать, как у вас прошли испытания, как идут занятия, здоровы ли вы? У меня новость. Вы знаете, что по окончании школы родители не разрешили мне учиться дальше и заставили сидеть дома. А в этом году почему-то разрешили. Может быть, меня пожалели, или на них подействовали просьбы моих подруг. Я сдала приемные испытания в педтехникум, поступила на первый курс и теперь учусь. Несмотря на то, что учиться очень трудно, по многим предметам имею «отлично» (не сочтите за хвастовство). На днях заходила к тете узнать, нет ли от вас вестей. Ваш сын Ядгар стал такой миленький бутуз, я долго его ласкала и забавляла. Если не пожалеете для меня вашего дорогого времени, напишите мне коротенькое письмо. Для меня будет великая радость.

Саадат».

Ну, что мне ответить на это письмо? Саадат, правда, неплохая девушка. Хорошо, что она начала учиться. Попрошу ее прислать карточку. Нет, это много, еще испугается. Лучше попрошу тубетейку.

Я написал простенькое письмо, как пишет брат сестре.

«Саадат, шлю вам и всем вашим много приветов. Я здоров и желаю вам здоровья. Очень обрадовался, когда узнал, что вы учитесь. Каждый, кто хочет счастливой будущности, должен учиться. Хотите знать обо мне? Я хорошо сдал экзамены. Скажу, не хвастаясь, что иду не из

последних. Саадат, когда пойдете к нам, скажите маме, пусть сошьет мне тюбетейку и пришлет. Иногда на праздниках наши студенты надевают национальные костюмы, и для меня, конечно, соблазн. Передайте всем от меня привет.

Уважающий вас Джура».

Наступил май. Мы дни и ночи готовились к зачетам.

Я получил по почте маленькую посылку. Вскрыл, оказалось что-то завернутое в бумагу и перевязанное разноцветными шелковыми нитками. Я развернул бумагу и вынул сплошь расшитую шелком тюбетейку. В нее был вложен шелковый носовой платочек, на уголке которого я увидел очень искусно исполненные разноцветными шелками бабочку и бутон розы. В платочке оказалось маленькое письмо. Писала Саадат.

«Дорогой Джура-ака!

Шлю бесчисленные приветы. Простите, что так долго не посылала вам вещь, которую вы просили у своей мамы. Я немножко на вас обижена. Ведь шить тюбетейки — дело молодых. Мне стыдно даже подумать, чтобы моя старая тетя, бедняжка, оставила все дела и села бы за шитье тюбетейки. Поэтому я сшила сама. Уже скоро каникулы. Вашей матушке я сказала, что собираюсь вам писать, она очень обрадовалась и просила написать, что бедняжка Ядгар скучает по вас. Я его утешила, сказала, что вы приедете в отпуск.

Еще одна новость. Я вступила в комсомол. Родителям пока не сказала. Вы тоже не проговоритесь им.

Все шлют вам привет. Жду от вас письма.

Саадат».

Теперь многое стало ясным. В особенности много говорили вышитые на платочке бабочка и бутон. Чудно! Неужели Саадат меня любит всерьез? А я? Нет. У меня нет к ней чувств. Но все-таки нельзя огорчать девушку, надо ответить на письмо. Можно ей тоже послать подарок. Но не будет ли мой подарок ей намеком на ответное чувство? А если послать, то что? Лучше не посылать. Напишу только письмо.

Написал. Письмо вышло такое же простое, братское, как и в прошлый раз. Я поблагодарил ее за тюбетейку, сообщил, что в этом году не приеду в отпуск, хоть и соскучился по родным и в особенности по Ядгару — сказать правду, это было именно так. В конце письма я просил писать мне почаще.

Наступило время зачетов. Русский язык я сдал. Но тут случилась беда. Я провалился по анатомии.

В конце июня совершенно неожиданно я получил от старшего брата денежный перевод и письмо.

«Твоя тетка, — писал мне брат, — сменила гнев на милость. Теперь она говорит, что не отдаст Саадат чужому, что Саадат твоя. Ты можешь быть спокоен».

Значит, тибетейка от Саадат, платочек, бабочка с бутоном — все это не зря.

Так как мне приходилось готовиться только по анатомии, то свободного времени у меня было немало. Я часто гулял по городу. Сто рублей, которые я получил от брата, мне были совершенно не нужны, поэтому я купил для Ядгара костюмчики и послал их домой вместе со своей новой большой фотографической карточкой.

Через месяц я получил письмо от Саадат. Письмо было полно намеков.

«Милый Джура-ака!

Ваш портрет, который вы прислали Ядгару, тетя повесила на стену и украсила цветами. Когда Ядгар вспоминает своего дада и тянется к карточке, тетя снимает карточку со стены и показывает ему. Мальчик с минуту смотрит на портрет, потом тетя опять вешает карточку на место. Когда я прошу у Ядгара вашу карточку, он ни за что не хочет дать мне посмотреть. «Пусти, пусти, не трогай! Это мой дада», — кричит он. «Твой дада ведь мой Джура-ака!» — говорю я. «Ну ладно», — соглашается тогда Ядгар и дает мне карточку.

А я смотрю на вашу фотографию и думаю: «Фотограф сделал только одну карточку, не позаботился, чтобы человек мог послать и знакомым». Если бы вы прислали нам одну, мы сохранили бы ее лучше, чем вы сами. Да вот вы нас не удостоили. «Ну, ладно, — думаю, — если вы не посылаете, pošлю я». И вот послала вам свою карточку, где снялась вместе с Ядгаром. На фотографа не сердитесь, как говорится: «Что есть в котле, все попадает в уполовник».

Правда ли, что тибетейка пришлась вам впору? Джура-ака, если вас не затруднит, пришлите мне беретку. В Ташкенте все девушки стали носить беретки.

Шлю нескончаемые приветы, скучаю по вас.

Саадат.

Кстати, не проговоритесь родным, что я послала вам карточку».

Письмо и в особенности фотография взволновали меня. О! Да неужели это наша Саадат! Девушка так расцвела! Впервые я увидел — если смотришь на карточку, будто видишь человека. Огромные глаза Саадат, ее слегка улыбающиеся губы так выразительны на снимке! О кудри, обрамляющие полные щеки, вы вот-вот закуете мое сердце в свои цепи! Поверь, Саадат! Я люблю тебя. Никогда в жизни я не допущу, чтобы на черных твоих ресницах по моей вине заблестели слезинки!

Нежный взгляд девушки звал. Саадат победила.

Я полюбил Саадат теперь по-настоящему.

Близилось начало учебы, меня ждали занятия. Я съездил в город и купил Саадат подарок — модный берет. В письме я наметил ей о любви и осторожно дал понять, что в учебный сезон у меня будет мало времени, а потому после этого письма напишу не скоро. Отчасти с намерением испытать Саадат, а отчасти всерьез, я попросил, чтобы она навещала Ядгара и мою старую матушку.

На этом завершилась первая глава нашего романа. До следующей счастливой главы, то есть до отпуска будущего года, я определил перерыв.

Старая моя матушка очень огорчилась и обиделась, что я не приехал в отпуск. «Сын твой нездоров,— писала она.— Кумри поступила в школу ФЗУ Ташкентского текстилькомбината. Абдугани еще не окончил средней школы и потому живет при матери. Старший твой брат навещает нас, проявляет заботу. Не забывает Ядгара. Живем мы неплохо. Ты можешь учиться спокойно, ни о чем не беспокойся».

На втором курсе я шел одним из лучших. Я уже не был так слаб в русском языке. По анатомии тоже подогнал. Поэтому большинство годовых зачетов я сдал на «отлично», а по остальным получил «хорошо» и «удовлетворительно». И решил я провести отпуск в Ташкенте. За весь год в моей жизни не было крупных событий, о которых стоило бы говорить. Заполненные учебой дни проходили ровно, спокойно, словно журчала вода в арыке.

Я писал домашним, что в отпуск приеду в Ташкент, но не указал, в какой день, в какое время. А вдруг Саадат выйдет вместе со всеми меня встречать? Мне очень не хотелось такой встречи при родных. Все время я думал о Ташкенте. Мне не сиделось на месте, и я часто ходил по магазинам, накупил разных мелочей в подарок

Кумри, Абдугани, Ядгару и другим родным. Купил подарок и для Саадат. В середине июня я выехал.

Совершенно неожиданно для всех я приехал во время утреннего чая. Моя старая мать в ужасном волнении сбегала со ступенек террасы и бросилась мне навстречу. Обхватив мою шею руками, она задыхалась, плача от радости и покрывая мое лицо поцелуями. Она пыталась что-то говорить, но не могла произнести ни слова.

Дрожащими руками она вцепилась в ручки моего чемодана, чтобы нести его на террасу. Но я не позволил и понес сам. Мы засыпали друг друга вопросами, а я все оглядывался по сторонам. Но Ядгара не было видно.

— А где Ядгар, мама?

— Ах, и правда! Я сейчас его приведу. Твой сынок совсем большой мальчик стал, ходит в детсад. Спозаранку встает с постели и бежит туда. А я ковыляю за ним, спешу, боюсь, как бы не заблудился. А теперь вот Абдугани, когда идет в школу, провожает его... А днем заходит за ним... Я сбегая за малышом...

— Не беспокойтесь, мама, я сам приведу Ядгара,— сказал я. Но старушка и слышать меня не хотела и вышла. Минут через десять она вернулась, с гордостью ведя за руку Ядгара. Он катил за собой игрушечный автобус. Увидев меня на террасе, мальчик без колебаний подбежал и кинулся ко мне. Я прижал его к груди и расцеловал. Через минуту Ядгар позабыл, что я только что приехал. Дождем посыпались его вопросы.

— Дада, что это?

— Пуговица, сынок, пуговица.

— А почему на ней звезда?

— У военных пуговицы такие.

— А что такое военный?

— Красную Армию знаешь?

— Да, мы в садике играем в Красную Армию.

— В Красной Армии все носят такие пуговицы.

Мгновенно забыв о пуговицах, Ядгар уже думал о другом.

— Когда вы приехали?

— Сейчас.

— На чем приехали?

— На поезде. Знаешь поезд?

— А у Шарипа отец прилетел на аэроплане.

Матушка бранила Ядгара:

— Отстань, детка! Какой ты противный надоеда. Дай нам хоть немножко поговорить.

А мальчуган все продолжал:

— Дада! А знаете, дада, я умею петь.

— А ну, спой!

Он соскочил с моих колен и запел.

— Вот как я умею!

— Здорово, сынок, ишь ты какой стал ученый!

— Вы теперь не уедете?

— Нет, не уеду.

— Ну, так до свидания, я пойду в детский сад.

— Смотри хорошенько в оба! Иди только по тротуару, — напутствовала бабушка. — Смотри, как бы тебя не задавили.

Мы со старушкой сидели, разговаривали. Она рассказывала мне и о Саадат.

— Очень привязалась к нам девушка, часто приходит, навещает. Не знаю, почему-то целых три дня ее не видно. Как калитка стукнет, я поглядываю в окно, поджидаю. Дай бог девушке счастья. Вот уж золотые руки! В минуту мне в доме наведет порядок и уйдет. На днях говорит: «Тетя, постирать вам белье?» — «Что ты, моя птичка? Будешь здорова — успеешь настираться». Не согласилась я. А уж как она любит Ядгара! Так и кружится около него мотыльком. Ядгар тоже к ней привык, как к родной. Не придет она, так он уже бежит к калитке, выглядывает, не идет ли?

О моем приезде знали уже многие. Кое-кто видел меня, когда я подходил к дому. И сразу же по махалле разнеслась молва обо мне.

Не прошло и часу, и дом наполнился родственниками. Но я все посматривал на дверь. Мои глаза с нетерпением искали среди входящих... Ну, что там скрывать? Я ждал Саадат.

С одной стороны, пытался убедить себя, что я даже рад, что она не идет. Вы спросите, почему? Какое же может быть свидание в присутствии стольких родных? Легкая улыбка, быстрый обмен взглядами, вопросы о здоровье — и... все...

Так я и провел день — встречал и провожал гостей.

Адбугани был уже большой мальчик, он учился в пятом классе. Я поманил его в сторонку и потихоньку от гостей и матери спросил:

— Ты сказал тете Саадат, что я приехал?

— А как же? Когда вы сидели с гостями. Матушка заставила меня сбежать к Саадат. Я уже ходил.

— Саадат дома была?

— Нет, в школе. Я видел тетю.

— А дядя?

— Он на работе.

Не успели мы с Абдугани посекретничать, а уже на пороге калитки возникла с корзинкой на голове, запыхавшаяся, вспотевшая от быстрой ходьбы тетка.

— Ах, родненький мой! Ах, красавчик ты мой!— заголосила она еще издали.

Обняла она меня крепко и поцеловала в лоб. Тетушка задала мне тысячу вопросов. С важностью я снисходительно давал короткие ответы и все поджидал, что она заговорит о Саадат или хоть упомянет ее имя.

Тут меня позвали. Извинившись, я оставил гостей и вышел к калитке. Оказывается, приехали друзья детства — Абид, Мансур, Юлдаш из нашей махаллы. Абид потащил всю компанию к себе домой. Было шумно и весело. Абид, подшучивая надо мной, заговорил о Саадат. Я был поражен. Должно быть, о нашей любви разболтала тетка. Вечно она суется со своей придурковатой откровенностью. К тому же Абид, оказывается, был директором педтехникума, где училась Саадат. Конечно, он мог о ней разузнать стороной.

Наша встреча затянулась до полуночи. Я попрощался и, вернувшись домой, растянулся на своей постели, теплой, как объятия матери. Я очень устал за день, но долго не мог уснуть. Мысли о Саадат не оставляли меня.

Девушка не пришла и на следующий день. Мною овладело беспокойство, я стал сомневаться. Не обиделась ли она? Ведь в последнем письме я намекнул, что нам нужно пореже переписываться? «А может быть, она ждет, когда похлынет родня,— утешал я себя,— или она стесняется прийти, потому что здесь ее мать?»

После завтрака я пошел прогуляться по городу.

Ташкент изменился до неузнаваемости. Новые здания, которых я не видел, новые улицы. Даже прохожие изменились. Захваченный новыми впечатлениями, я не заметил, что наступил час обеда. Я поспешил домой. Поев приготовленной матерью шурпы, я уселся за газеты.

Но мне не читалось. Смотрю в газету, а думаю о Саадат. При малейшем стуке я поглядывал на калитку.

И вот, наконец, вошла та, которую я так долго ждал. Как забилось у меня сердце.

Но это была не та Саадат, которую я рисовал в своем воображении,— девочка-подросток, со многими косичками, в мешковатом, старого покроя платье под уродливой па-

ранджой. Нет, передо мной стояла вполне современная девушка, изящно и даже модно одетая, на высокой пышной прическе у нее был тот самый берет, который я ей послал и который очень шел ей.

Прикусив губку, она нарочито небрежно играла маленьким портфелем и казалась очень смущенной, когда подходила к нам. Щеки ее стали пунцовыми то ли от ходьбы по жаре, то ли от смущения. Лоб покрылся мелкими капельками пота.

Я живо вскочил с места и четким военным шагом пошел ей навстречу. Поздоровавшись, я задержал ее руку в своей. Саадат смутилась еще больше. Она готова была вспорхнуть ласточкой и улететь...

Наконец, высвободив руку, девушка поздоровалась с моей матушкой, та усадила ее и принесла угощенье. Мы сидели друг против друга за низеньким столиком. Старушка разломил лепешку и принялась разливать чай.

— Не трудитесь, тетя. Позвольте мне. Я буду наливать.

— Оставь, миленькая, я сама. Ты сейчас гостья, детка. Вот будешь здорова — тебе много еще раз придется наливать чай Джуре.

В бесхитростных словах матушки проскользнул намек. Саадат вспыхнула и украдкой взглянула на меня. Я — на нее. Наши взгляды встретились, и мы не могли не улыбнуться друг другу. Саадат опустила глаза.

Сколько обаяния и прелести было в Саадат. Красота ее расцвела, и выразительное, нежное лицо ее, каждый взгляд, каждое движение сулили счастье тому, кто заслужит ее любовь.

Невольное наше молчание прервала старушка.

— Поговорите тут, детки, а я загляну на кухню.

— О,— спохватилась Саадат,— не беспокойтесь, тетя, ничего не надо. Я сейчас ухожу.

— Почему это уходишь? Нет, посиди, поговори с Джурой. Что я, барана для тебя зарежу? Угощу простой шурпой, которую мы всегда варим. Вот и все!

— Мне просто неудобно,— отозвалась Саадат,— сидеть и смотреть, как вы тут хлопочете.

Вмешался я:

— Матушка, приготовьте все, что нужно. Я давно не стряпал. И сам сготовлю плов.

— Да что вы, Джура? Возиться у котла в военной форме, такой красивой?— воскликнула Саадат.— А я тут на что?

Но старушка замахала руками, зашумела и ушла на кухню, оставив нас наедине. Разговор оборвался. Я мучительно придумывал, что бы сказать.

— Почему ты в каникулы ходишь с портфелем?— наконец решил я.— Когда я послал к тебе Абдугани, ему сказали, что ты в школе. Разве учебный год не закончился?

— Ученье-то кончилось, да меня послали агитатором в женский клуб. Я никогда общественной работы не вела. Очень трудно! С утра до вечера занята.

— Ого, какой ты стала активисткой! А я и двух человек не могу сагитировать.

Саадат бросила на меня укоризненный взгляд.

— Вот вы все и повернули по-своему. Вы, ленинградцы, остры на язык.

С обиженным видом я заморгал глазами и, вынув из кармана шелковый платочек — подарок Саадат, начал с комичным смущением вытирать несуществующие слезы. Саадат, конечно, узнала платочек, но сделала вид, что ничего не замечает. И только покачивала головой. Она едва сдерживала себя, чтобы не прыснуть от смеха.

В дверях показался Ядгар, тащивший за собой игрушечную арбу. Не обратив на меня ни малейшего внимания, сияя от радости, он бросился обнимать Саадат.

— Тетя Саадат, вы пришли? Почему завтра не приходили? (Мальчик хотел сказать «вчера»).

Саадат прижала его к груди и приласкала. А я смотрел на них обоих и думал: «Искренна ли она? Будет ли так же ласкать его потом, когда мы поженимся? А когда откроется история Ядгара, что она скажет?» В памяти всплыло мое приключение. Я сравнивал Саадат с легкомысленной матерью Ядгара. Саадат совсем другая. Какая игра судьбы! Брошенный матерью ребенок — в объятиях молоденькой девушки...

Саадат сразу же заметила, что я о чем-то задумался, и ее лицо сделалось озабоченным.

— Джура, что вы так задумались?— обиженно воскликнула она.— Судьба часто разлучает людей против их воли, не унывайте.

Я постарался отогнать воспоминания.

— Саадат, ты так хороша!— вырвалось у меня.

Легкий испуг отразился в ее глазах.

— Вы меня захваливаете!

Я обратился к Ядгару:

— Ты слышишь, что говорит твой отец, Ядгар?

Хлопотавшая на кухне старушка, видимо, забеспокоилась и, чтобы Ядгар нам не мешал, позвала его:

— Ядгар, Ядгар, иди сюда, детка! Хочешь жареной кукурузы?

Натянутость исчезла.

— Саадат!— вырвалось у меня.— Ты свободна вечером?

— А что?

— Погуляем в парке.

— С вами? Ну и придумали.

— А что тут такого? Ты же совсем большая?

— Вы же знаете нрав отца. Узнает — что будет?

— Чудная ты! Если не сегодня, потом вместе будем гулять.

Саадат лукаво повела глазами.

— Правда? Кто это вам сказал?

— Твои глаза.

— Совсем вы, Джура, испортились. Вот скажу тете.

— А что тетя? Она только рада будет. Да ты не увертывайся, скажи: вечером ты свободна?

— Свободна-то я свободна, но не затевайте прогулок. Мало ли какие пойдут разговоры.

И все же я ее уговорил.

Тут матушка подала плов. Мы уселись за дастархан. С самым простодушным видом мать заметила:

— Сыночек, не нравится, вижу, тебе плов, приготовленный старухой? Такой же получился, как я сама: дряблый, вялый. Вот если бы стряпала Саадат...

— Что вы, тетя,— запротестовала Саадат.— Разве я сварю так хорошо? Морковь, лук я еще поджарю как следует, но приправить не сумею.

Пришла моя очередь заговорить:

— Я и сам отлично сготовлю плов, но если только кто-нибудь будет следить за огнем.

— Ах, сынок,— сказала старушка.— Уже четыре года, как ты из готовых припасов не можешь сварить ничего путного.

Сдерживая смех, Саадат опустила глаза. А я думал: «Ну и мать! Поддела-таки!»

А старушка как ни в чем не бывало принялась вываривать Ядгару:

— И что ты мажешь всей своей пятерней? И рот накормил, и нос, и глаза. Не роняй, детка! Вот так, сложи пальчики, миленький, и бери плов щепоткой.

После обеда старушка вышла с блюдом на кухню. Саадат поднялась, собравшись уходить. Идти из дома вместе с ней и мне показалось неудобным. Мы решили встретиться у трамвайной остановки.

С того вечера мы часто проводили время с Саадат. Нас видели вместе в парке. Над Саадат принялись подтрунивать подруги. Дошли слухи и до ее отца. При встрече с моим старшим братом он твердо заявил:

— С решенным делом лучше не затягивать. Пусть Джура отложит учебу, справит свадьбу, а потом уже едет в Ленинград. Мне надоели вопросы соседей: когда будет свадьба?

Я попросил брата передать уйму извинений и объяснить, что, пока не кончу учебу, о свадьбе нечего и думать.

В тот же вечер Саадат передала мне приглашение от своего отца:

— Приходите к нам в выходной день со своими друзьями. Некого у нас было послать с приглашением, вот я и пришла сама.

— А,— засмеялся я,— значит, «чарлау» до свадьбы поедим.

— Вот вы и смеетесь! Вам слово скажи, и бегом от вас беги.

И она ушла.

В дом Саадат я пошел со своим приятелем, директором техникума, Абидом. Угощение было на славу. Но Саадат не вышла к нам. Дядя сам подавал нам блюда. Он был в самом веселом расположении духа.

— Жена, не прячься!— кричал дядя.— Иди сюда! Не стесняйся домужлы Абида. Разве закрываются от учителя своей дочки? И Саадат свою позови. Ломаться нечего: здесь ее учитель, которого она видит в классе каждый день. Женщины дома, а мне приходится гостям прислуживать. Джура свой человек.

Саадат только и ждала, что отец ее позовет: тут же она выбежала из кухни и захлопотала у дастархана. Я старался не смотреть в ее сторону, напуская на себя серьезность.

Перед уходом тетя одела мне на голову такую же расшитую тюбетейку, какую я получил в Ленинграде.

Чудесное время! Быстро пролетает оно. Скоро я должен вернуться в Ленинград. Незаметно пробежали часы, проведенные с Саадат.

Увидев, что я начал готовиться к отъезду, Саадат огорчилась.

— Не уезжайте!— говорила она.— Или возьмите меня с собой.

День отъезда приближался. Завтра в последний раз сходим куда-нибудь. Я послал ей с Абдугани маленькую, с «воробьиный язычок», записочку и получил ответ: «Я согласна».

Вечером Саадат пришла к нам. Старушка подала нам кушать отдельно. Я подсел поближе к Саадат, взял ее руку в свои ладони.

— Милая моя Саадат,— сказал я,— мы расстаемся. Я снова еду в академию. У тебя тоже начнутся занятия... Я хочу услышать от тебя ясный ответ. Что ты думаешь о нашей совместной жизни?

— Пустите!— Саадат попыталась освободить руку.— Тетя увидит. Стыдно. Нехорошо так. Пустите же, говорю... Что вы хотите сказать?

— Не прикидывайся наивной. Ты знаешь, что я тебя люблю, и я знаю, что ты меня любишь.

— Кто вам сказал?

— Вот кто!— С этими словами я прижал Саадат к груди, пытаюсь заглянуть ей в глаза. Саадат испуганно выскользнула из моих объятий.

— Вы стали очень плохой! Пойду скажу тете. А еще я вас всем хвалила.

Она взглянула на дверь.

— Будете сидеть тихо,— я останусь, а нет,— уйду. Тетя идет...

— Ладно, сядь... Ну, так что же ты думаешь о нашей жизни?

Она тихо, не поднимая глаз, спросила:

— Есть педтехникум в Ленинграде?

— Есть, конечно.

— Если я поеду с вами, меня примут?

— Нет, ты не знаешь русского языка.

— А вы научите!

— Да разве я смогу тебя учить? На первой же строчке застряну.

— Я спрашиваю дело, а вы шутите... Разве военные так разговаривают? Вы подайте команду — и все.

— Тогда слушай мою команду, Саадат! Будь готова: через два года я кончу учиться. Ты тоже к тому времени должна кончить учебу. И тогда справим свадьбу. Итак, к светлому будущему шагом марш!

Позабыв, что старушка может услышать, Саадат рас- смеялась. Да так звонко, безудержно, что от ее смеха — мне показалось — в алебастровой нише зазвенели фар- форовые пиалы.

И тут же смех оборвался. Девушка заговорила серь- езным тоном. Она спросила... о матери Ядгара. Но я ни- чего не ответил и обещал рассказать все после свадьбы.

Долго мы сидели с Саадат и тихо беседовали. Оконча- тельно уговорились так: я, взамен калыма, стану вра- чом, а она, взамен приданого, станет педагогом.

В Ленинграде я учился еще два года и в отпуск в Ташкент ни разу не съездил.

Мне Саадат писала, я изредка отвечал. Переписка с домашними тоже не была особенно частой.

«Мы соскучились,— писали мне из дома.— Сын твой Ядгар очень истосковался. Матушка чувствует себя пед- здоровой»,— и все в таком же роде.

Пришло время государственных экзаменов. По мно- гим предметам профессора нашли мои знания хорошими. Для дипломной работы мне следовало бы остаться еще на год в Ленинграде, но я попросил разрешения выпол- нить ее в Ташкенте. Мне разрешили. Я простился с Ленинградом.

Я снова не послал домашним телеграммы о своем приезде. Знала только одна Саадат.

Поезд замедлил ход у платформы Ташкентского вок- зала. Я смотрел в окно. Встречающие пробегают вдоль вагонов.

Вот она, Саадат, которую я так долго ждал. Я посту- чал в окно. Она вскинула глаза.

— Джура!

И побежала к дверям. Не стесняясь посторонних, Саадат бросилась ко мне в объятия. Я крепко обнял и поцеловал девушку, нимало не беспокоясь, что мешаю проходящим пассажирам.

Мы пришли домой вместе, будто вместе ездили в Ле- нинград.

Узнав, что учење закончено, моя мать была вне себя от радости. Надежда на мою женитьбу, которая столько лет оставалась мечтой, теперь стала близкой. Я узнал, что оба дома готовятся к свадьбе. У меня уже не было никаких причин откладывать женитьбу.

Ядгару шел седьмой год. Кто-то ему сказал про свадьбу. Он подошел ко мне и, обняв мои колени, спросил:

— Папа, вы мне дадите молоденькую маму? Да?

А я глядел на него с грустью и думал: «Бедный Ядгар, когда-нибудь ты узнаешь, что я тебе не отец. Что мать твоя, красивая, но легкомысленная женщина, тебя бросила, а отец черствый, неизвестный мне человек, которого я в глаза не видел. Нет, Ядгар,— говорил я себе,— ты мой сын, и только мой!»

— Какую еще тебе нужно маму, сынок? А наша матушка? Она и тебе, и мне, и Абдугани, и Кумри — всем нам мать. Кого же тебе еще?

Он опять вертится около меня и ласкается.

— Возьмете, а! Матушка ведь моя бабушка. А мне дайте Саадат. А то я сам возьму ее себе, сделаю своей мамой.

— Дурной ты! Кто тебе сказал? Ладно, ладно, возьму,— засмеялся я.

В один из знойных июньских дней, когда на виноград «чарас» выступили первые черные родинки, а ананасные дыни сделались слаще меда, мы с Саадат отправились в загс.

Второй раз в жизни я пришел сюда. И многое невольно припомнил. Я не забыл даже правил, касающихся неприглядной стороны семейной жизни — развода. Будто я только вчера стоял здесь за столом рядом с той коварной красавицей. Я даже вздрогнул и посмотрел на свою спутницу. Нет, это моя Саадат! Верная Саадат! Такая красивая, красивее той. И я пришел сюда заключить с ней счастливый союз на всю жизнь.

У весов две чаши, у каждой вещи две стороны. В свидетелем есть горечь и в темноте — свет, у ночи — день, у колючек розы.

Много я претерпел из-за того развода по молодости лет и легкомыслию. Теперь конец. Теперь мы стоим вдвоем рука об руку с сияющими лицами и смотрим с трепетом, как рука заведующей водит пером по странице регистрационной книги, раскрытой для нас, как окно счастья.

Долог светлый путь жизни, этот вечно сияющий день, этот залитый лучами, полный радостей, устанный цветами путь.

Мою рассеянность заметила Саадат и, крепко сжав мою руку, вывела меня из задумчивости.

— Какая у меня будет фамилия? Скажите, вас спрашивают.

Я бросил быстрый взгляд на свою милую невесту. Ее глаза были полны нежности и любви. Тягостные воспоминания мигом рассеялись, словно развеянные бурей.

— Захидова! Твоя фамилия Захидова! Теперь ты будешь носить мою фамилию!

Я был назначен врачом в пограничный отряд.

Саадат не сразу поехала со мной. Ей оставалось учиться еще год. Военная обстановка была для меня привычна, и поэтому в пограничной комендатуре я чувствовал себя как дома. Давала себя знать только тоска по Саадат.

...Ночью я иду по степи, смотрю на звезды, слежу за лучом месяца, играющим в ряби вод плавно текущей Амударьи. И так мне хочется, чтобы Саадат была рядом со мной.

Я выхожу на пустынную равнину. Совсем близко великая граница. Здесь, по эту сторону, моя социалистическая родина, обитель счастья, радости, человечности. А там, по ту сторону,— жалкая жизнь; дым над закопченными курганчами тянется к темному небу. Мне становилось жалко тех, кто живет там, в той стране, в другом мире. «Вас тоже ждет сияющий рассвет,— думаю я,— вы тоже растопчете своих врагов, добьетесь счастливой жизни, как у нас...»

По небу с севера на юг, вдоль Млечного Пути, тянутся караваны журавлей и гусей. Их крики «хак-хак» предвещают, что мои заветные желания скоро исполнятся. И самое заветное — скоро-скоро придет Саадат... Моя Саадат.

Возвращаюсь домой. Вновь и вновь, в который раз, перечитываю письма Саадат. Ее письма — частица ее самой. Они разговаривают со мной ее голосом. Я тихонько целую листки.

В нашем пограничном отряде все здоровяки. Молодец к молодцу. О таких говорит поговорка: «Если они ударят по горе — толокно из нее сделают». Бойцы ничем серьезным не болеют. Самое большее — насморк или солнечный ожог. В военной амбулатории больных немного, и я попросился в свободное время работать в гражданской поликлинике. Врачей тогда было еще мало, и я лечил и горожан, и колхозников.

Я приобрел в этом далеком пограничном районе много хороших друзей.

Однажды один из моих новых знакомых обратился ко мне с просьбой.

— У меня дома больная. Жена,— сказал он.— Давно она лечится. К каким только врачам не обращалась!

Каждый давал заключение, но не помог. Не откажитесь ее посмотреть.

В обещанный день я пришел к знакомому на дом. Он провел меня в спальню. Большая, молодая женщина лет двадцати пяти, лежала на кровати, подняв глаза к потолку. Увидев меня, она приподнялась. Я попросил ее не беспокоиться. Несмотря на худобу и бледность, красота ее лица не могла не обратить на себя внимание. Больше того, я где-то видел это прекрасное лицо. Неужели...

Не знаю, что говорили другие врачи, но я нешел в состоянии больной ничего серьезного. Бросилась в глаза ее чрезмерная нервность. Я высказал свое мнение и прописал лекарства.

Между прочим я задал вопрос, есть ли у нее дети.

Мой новый знакомый и его жена вздохнули.

— В том-то и горе, что у нас нет детей.

Я продолжал расспросы, и тогда муж сказал:

— Товарищ доктор, вы все хотите знать? Хорошо, я расскажу. Дорогая, ты не возражаешь?

И сел у изголовья больной, он — в ногах.

— Она больна из-за тоски по детям, — начал свой рассказ мой приятель. — Иногда и мне бывает так тяжело, что я делаюсь совсем больным. Но, как бы то ни было — я мужчина и к тому же вечно занят, и поэтому забываюсь.

Он остановился и посмотрел на жену.

— Рассказать, Михрихон?

Я не мог удержаться и вздрогнул при этом имени.

Больная отвернулась к стенке.

— Так вот, товарищ доктор, семь лет назад я был простым махаллинским йингитом, а Михрихон — неграмотной узбекской девушкой, из семьи мусульманина, ревнителя старых обычаев. Каким я был тогда, мне, окончившему университет, вступившему в партию, даже страшно вспомнить. Теперь я смотрю на все иначе. И Михрихон совсем другая. Мы живем с ней в дружбе и любви. Партия меня послала сюда в пограничную область. Я работаю уже два года. Все это вам, конечно, не интересно. Но слушайте дальше, товарищ доктор! История нашей женитьбы с Михрихон очень непроста. Мы любили друг друга. Но отец ее не соглашался на наш брак. Мы встречались тайно. Знаете, доктор, я жизни не знал, а ее держали под паранджой взаперти. Так было в прошлом повсюду — девушку родители берегли, как «сахар в бумаге». Нашу тайну знала только ее мать.

Чего нам с Михри не пришлось претерпеть тогда! Я чувствовал себя преступником. Мне казалось, что все на меня пальцем показывают. При матери Михри я не смел поднять глаза. «Чтобы тебе издохнуть, обесчестил девушку», — кляла она меня, по какой и кому польза была от ее проклятий. Либо дочь надо было за меня отдать, либо... вы меня простите, я волнуюсь... либо что-нибудь сделать с ожидавшимся ребенком. Отец не знал нашей тайны и не обращал внимания на слова жены. Как она ни приставала, ни упрашивала — он стоял на своем. Не соглашался. Последние два-три месяца Михри не выходила за порог своего дома. Когда оставалось несколько дней до появления нежеланного «гостя», мы спрятали Михри от глаз отца, сказав, что она гостит за городом у тетки. Михри родила. А когда она поправилась, мы думали лишь о том, как бы сбрызнуть с рук ребенка...

Закрыв глаза, больная тихоенько всхлипывала. Мой знакомый волновался. Не знаю, сколько времени длилось давящее молчание...

Наконец рассказчик посмотрел на жену и, собравшись с духом, продолжал:

— Так вот, товарищ доктор, сказать правду, никто из нас не мог решиться бросить ребенка. Премиленький, толстенький был мальчик. Решилась, наконец, Михри. Она забрала у меня как-то паспорт и сказала, чтобы я не появлялся дня два. Что она сделала с ребенком, не знаю. Когда через два дня я пришел к ней — ребенка уже не было. Михри меня встретила очень холодно, отдала мне паспорт, вручила и копию свидетельства о разводе. Я был поражен. Мы же с ней в загсе не записывались. Откуда взялся этот развод? Словом, Михри и до сих пор мне не сказала, товарищ доктор, что стало с ребенком.

Мой собеседник достал из бокового кармана паспорт, вынул из него справку о разводе и протянул мне. Мои руки дрожали. Итак, туман многих лет полностью рассеялся. У меня в руке была та самая разводная справка, которую я подписал и которую мне столько лет назад выдали на руки. Я был не в силах сдержать волнение. Заметив во мне странную перемену, мой товарищ замолчал и пристально глядел на меня. А я смотрел на Михрихон. Да, это те самые лукавые, озорные глаза. Это те самые рубиновые губки, кривившиеся когда-то от громкого смеха, при звуках которого вспархивали горлинки, сидевшие на желобе мечети...

Михрихон вытирала полные слез глаза своим шелко-

вым носовым платком. В комнате запахло гвоздикой. Я чувствовал себя так, как будто я снова сижу рядом с молодой женщиной в саду мечети. Но как давно это было. Да, прошло семь лет...

С трудом я взял себя в руки.

Мой приятель утешал жену:

— Михрихон! Перестань, родная! Если ребенок остался жив, он, наверное, теперь уже большой, веселый, радостный. А если... его нет, в этом виноват старый уклад, старая жизнь, которая была саваном для людей. Доктор — наш земляк. Прекрасный человек, редкий товарищ. Семь лет тебя тяготит твоя тайна. Открой ее. Мы тут же ее похороним. Тебе будет легче, и я не буду, глядя на твои мучения, изводиться. Скажи, что было дальше? Что ты сделала с ребенком?

Тяжелое молчание долго не прерывалось.

Жалость, любовь к мальчику и боязнь его потерять привели меня в величайшее смятение.

Вот Ядгар спит у меня на руках, забавно чмокая губами во сне.

Вот Ядгар в военной фуражке семенит ножками, бежит показаться бабушке...

Вот Ядгар пристаёт ко мне, чтобы я взял ему молоденькую маму...

Увы! Теперь нет у меня Ядгара, нет сына, Ядгар — сын другого!

Женщина открыла глаза. Дрожащими руками она оперлась на край кровати и привстала.

— Сказать?.. Сказать? Я совершила преступление перед ребенком.

Она была вне себя.

Во мне заговорила жалость. Я взял руку Михрихон. Стараясь всю силу вложить в свой взгляд, я посмотрел в ее глаза, полные отчаяния, и проговорил: повторил те самые слова, с которыми она обратилась ко мне на дороге среди садов. Тогда...

— Приходилось ли вам бескорыстно служить другим?

Молодая женщина пронзительно закричала:

— То были вы? Верно, вы, вы...

Она протянула ко мне руки и потеряла сознание.

Теперь я в Ташкенте. Ядгар живет со мной и Саадат. Часто он ходит в семью Михрихон.